

К СТОЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А. П. ЧЕХОВА

ИСПЫТАНИЕ ВРЕМЕНЕМ

(Окончание. Начало см. в № 196 «Таганрогской правды».)

— Да и очень рассказ длинный бы получился. Вот, например, эти часы в столовой. Смотрю на них и вспоминается: время к обеду. Антоша сидит у себя работает, потом идет заглянуть в столовую на часы. Пока дойдет — думает о своем и о часах забыл. Взглянул на них и опять за стол. Потом вспомнит, что время-то не посмотрел, и идет опять, и опять забывает. И так несколько раз. Тут

уж мать наша, Евгения Яковлевна, торопит собирать на стол: раз Антоша зачастил в столовую — пора обедать. Или вот пианино. Купили его уже здесь, в Ялте. Антон Павлович не умел играть — в такой семье мы росли, что не до этого было, но мушкетер любил очень. Зато на нем Рахманинов, Спендиаров, Ребиков играли, не раз на нем аккомпанировали Шаляпину, а как он пел... И разве все расскажешь. Или вот веранда. Много она знает и радостного и печального. Сколько было веселья, когда приезжал в Ялту МХАТ, чтобы показать Антону Павловичу его пьесы, тот ведь не мог поехать в Москву. В столовой места всем, конечно, не хватало, поставили столы на веранде; сколько остроумств, шуток, смеха было. А потом хаживала здесь мать наша... подолгу... из угла в угол... тяжело переживала свое горе. Шутка ли столько взрослых детей схранить.

* * *

Если в доме долго не живут, то в комнатах создается особая атмосфера, особый воздух, перестает пахнуть жильем. Во многих мемориальных музеях полностью сохраняются предметы, окружавшие того или иного великого человека. Но как бы тщательно их ни хранили, все равно чувствуется музей, даже в великолепно сохраненном, трогательном яснополянском доме Толстого. Этого не чувствуешь в комнатах Чехова. В них ощущаешь не только его самого, но и всю атмосферу удивительной чеховской семьи. Как удалось сохранить все это — секрет Марии Павловны. Известно только, что когда в первое время после смерти Антона Павловича она зимние месяцы проводила в Москве, то, уезжая, прятала каждую вещь от лustrы и мебели до подсвечника и карандаша в специально сшитые ею чехлы и чехольчики, а возвращаясь весной, мыла полы, окна, выбивала пыль и все возвращала на свои места... Летом здесь распахнуты окна, и ветер шевелит занавески, неся в комнаты свежесть моря и аромат сада; зимой топятся печи, как и раньше, дровами, рано зажигается свет.

Одному из посетителей, особенно почтительно входившему в этот дом, Мария Павловна сказала: «В этом доме можно и баловаться, и шуметь, и танцевать». И может быть от этого забываешь, что ты в музее, чувствуешь себя в гостях у очень близкого человека.

О саде, посаженном руками писателя, известно обидно мало. Часто цитируют слова Чехова: «Если бы человек на куске земли своей сделал бы все, что он может, как прекрасна была бы земля наша». Но что может сделать человек на клочке, именно клочке земли, становится понятно лишь тогда, когда увидишь сад Чехова, погродившись по его тропкам.

Мария Павловна рассказывала, что участок, купленный Антоном Павловичем, был старым виноградником. Ей особенно запомнилось, как два турка в красных фесках — турки часто приезжали тогда на заработки в Крым — выкорчевывали виноградник и рыли ямы под саженцы, а сам Антон Павлович сажал в них деревья — тоненькие хлыстики. Трудно было поверить, что из них когда-нибудь что-то вырастет. Собственными руками посадил Чехов на этом клочке земли до 200 растений.

Почетным караулом стоят сейчас вокруг ограды гигантские кипарисы и пирамидальные акации; у каждого кипариса — веточка особого рисунка. Неширокие дорожки усыпаны мелкой морской галькой, справа и слева — деревья, кусты, цветы, несколько простых скамеек. Писатель не любил высокие парковые скамейки с удобными спинками. В саду у него стоят низенькие простые скамейки на двух врытых в землю столбиках, без спинок. Только одна из них, стоящая в самом дальнем углу, с сиденьем на трех столбиках, поставленных под небольшим углом, с простенькой спинкой. Ее до сих пор зовут «горьковской». Алексей Максимович особенно любил этот отдаленный уголок и эту скамью. Когда он приезжал к Чехову, они приходили сюда и вели долгие тихие беседы.

Почти каждое дерево может рассказать о писателе так же много, как и любая вещь в доме, только мало людей осталось, которые знают их истории. Вот лужайка артишоков. Их особенно любили в чеховской семье и выращивали еще в Мелихове.

Мария Павловна угощала ими своих гостей до последнего времени. Рядом местечко, заросшее клубникой, еще дальше — полянка свежей зеленой травы, таких несколько. Писатель любил их, они напоминали ему Подмоскovie, по которому он так скучал; поэтому же здесь — одно из южных деревьев, очень напоминающее плачущую иву, и совсем немного вечнозеленых растений: Чехов говорил, что их листья точно сделаны из жести. Несколько персиковых деревьев, слив разбросано по саду, немного груш. Одну из них называли «Машей» в честь Марии Павловны, вложившей в сад много личного труда. Особенно тяжело было выхаживать молодые деревья. Им требовалось много влаги, а в засушливой Ялте ее всегда не хватает. Приходилось поливать, но водопровод часто бездействовал, и Мария Павловна рассказывала, как носила воду сама и покупала ее. Позже специально для поливки были вырыты два колодца. На одном из них установили насос. Он и сейчас стоит — старинный, громоздкий, с огромным колесом, которое нужно было крутить вручную.

К одной из стен, ограждающих сад, приспособилась маленькая оранжерея. В ней в основном выращивались цветы. Их было много, особенно роз. Кусты их цепочками тянутся чуть ли ни вдоль всех дорожек. Они самых разнообразных оттенков и форм. Это были цветы писателя, и он никогда не срезал их, чтобы поставить на стол. Он говорил, что в комнатах цветы должны быть в плоскостях, а срезать с кустов — жалко.

Хороша и круглая клумба с простенькими цветами. Около нее две

скамейки. Это был любимый уголок Ольги Леонардовны, жены писателя.

В Крыму существовал обычай: у могилы в честь покойного сажали кипарис. Такой кипарис растет против окон кабинета писателя. В память о брате его посадила Мария Павловна. Сейчас он высок и могуч, а недалеко от него — другой, совсем маленький, посаженный в честь Марии Павловны в год ее смерти.

Закрывая за собой калитку чеховского дома, проникаешься глубокой признательностью не только большому художнику, человеку-патриоту удивительного благородства, но и тому, кто сумел уберечь этот уголок от действия времени. А сделать это было трудно, порой очень трудно. Вот одно из писем Марии Павловны в Таганрог — адресованное музею Андрееву-Туркину:

«...Я не знаю, стоите ли Вы в настоящее время близко к городской управе и могли бы Вы передать ей мою просьбу помочь мне в сохранении чеховского дома в Ялте? Я совсем обнищала и живу еле сводя концы с концами. Боюсь, что не додержу этого памятника до лучших дней. Надо обязательно красить крышу, иначе она поржавеет. Год тому назад я купила два пуда олифы (масла), а на белила и сурик не хватило денег. Кроме того, дом дал во многих местах трещины. Закладывать дачу боюсь — потом, пожалуй, трудно будет платить проценты. Обращаюсь с легким сердцем к городской управе с просьбой помочь мне, так как думаю, что наши интересы в сохранении этого памятника тесно связаны... болит мое сердце, что многолетние труды могут пропасть безвозвратно!»

В первый же год существования Советской власти в Крыму решением Советского правительства дом А. П. Чехова был превращен в мемориальный музей, а Мария Павловна назначена его директором.

Шли годы... Ушла из жизни и Мария Павловна. Но в доме А. П. Чехова все по-прежнему, и так же много людей идут туда, чтобы побольше узнать о нем, почувствовать Чехова-человека.

Сам дом время не тронуло, но вокруг все изменилось. Бывшая татарская деревушка Верхняя Аутка превратилась в один из районов Ялты, назван он именем писателя. У самого дома — автобусная остановка с крытым павильоном и киосками, рядом с ней разбит сквер имени Марии Павловны, и сам дом, утопая в разросшемся саду, как бы подчеркивает появление того нового, свидетелем которого мы являемся.

В книге отзывов посетителей сделаны записи на самых различных языках мира. Под ними имена и никому не известных тружеников, и людей всемирно известных. Все они говорят о восхищении перед красотой и благородством таланта великого писателя и о благодарности за сохранение этого замечательного памятника русской культуры. Нам хочется воспроизвести лишь одну из них — запись учителя литературы из Болгарии:

«Чехов мечтал о простой и разумной жизни — для всех. Здесь видишь: так жил он сам. Здесь веришь: так будет жить все».

В. СЕДЕГОВ.